

— Караул! Ущемляют наши интересы!

КРОКОДИЛ

Перья к бою!

Опубликован проект Программы Коммунистической партии Советского Союза — величайший документ эпохи. Названы точные сроки построения коммунистического общества. Дух захватывает, когда проникаешь мысленным взором в наше теперь уже такое близкое, такое реальное завтра.

Но с таким же высоким, реальным, жгучим чувством личной ответственности понимаешь, как много труда должны вложить мы все, советские люди, в наше общее коммунистическое дело, чтобы эта захватывающая, вдохновляющая программа стала фактом. Все. В том числе и сатирики.

Наше общее дело делают живые, из земной плоти и горячей крови люди, наши современники. Конечно, не все они полностью отвечают высоким требованиям морального кодекса коммунизма. Попадают среди них и жуликоватые себялюбцы, встречаются ловчицы-эгоисты, лодыри и тунеядцы. Их немного. Но разве вред, который причиняют обществу, например, воры, зависит от того, сколько вору на тысячу честных людей попадет в поле зрения внимательного следователя?

Тут важно, не сколько воров имеется и даже не сколько может украсть один ловкач (а ведь иной способен и миллион новыми деньгами спереть!), а самый факт существования вора.

Так что же прикажете делать? Ждать, пока все станут сознательными, высокоидейными, без единого пятнышка борцами за светлое будущее?

Ждать нельзя! Мы будем идти вперед, принуждая одних, убеждая других, поощряя передовых, общественно осуждая и высмеивая отсталых. Да, именно высмеивая, ибо трижды прав великий Гоголь, сказавший, что насмешки боится даже тот, кто уже ничего не боится на свете!

Сатира остается на вооружении в борьбе за коммунизм, сатира будет развиваться и при коммунизме. Я помню, как один из редакторов Крокодила, покойный Михаил Захарович Мануильский, кристально чистый человек, старый большевик, отечески поучал нас, тогда еще молодых писателей-сатириков:

— Легкомысленно относитесь вы к своим писаниям, молодые люди! А ведь вы делаете сатиру. Да вы понимаете, что такое советская сатира! При коммунизме человека общественного суды будут приговаривать к фельетону, все равно как сейчас нарсуд осуждает на три года отсидки!

Невпроворот дела у нас сейчас, товарищи «бодрые задиры»!

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

МАЙОРОМАНΙΑ

Аллен Даллес:— Есть срочное задание. Любыми средствами выясните, сколько у них еще майоров, кроме Гагарина и Титова.

Вот я беру моральный кодекс строителя коммунизма и читаю, что одним из его нравственных принципов является «забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния». И тут же меня обступают, лезут на меня, словно рачки из корзины, разные факты быстротекущей сегодняшней жизни.

Подмосковную дачную местность сделали зоной отдыха одного из московских районов. Это очень хорошо! Налицо одно из проявлений заботы государства о здоровье тружеников города. Стали приводить в порядок убогую речушку, поставили плотину, чтобы поднять уровень воды, делают пляж. Опять-таки очень хорошо! Появились кабинки-раздевалки. Куда лучше! Но простояли в целости и неприкосновенности они всего лишь одну ночь. Наутро исчезли двери, а там, где остались двери, исчезли замки. Вот это уже «куда хуже»!

Кто унес двери и замки, кто обокрал сам себя, неизвестно, но факт остается фактом: кабинки стоят без дверей. И я допускаю мысль, что среди тех, кто ночью, пыхтя и пугливо озираясь, тащил на горбу эти несчастные двери (на курятник, на сарайчик), были такие, кто днем стоял или сидел на своем рабочем месте и искренне считал себя честным и порядочным. Подумаешь, дверь снял с кабинки! Ей цена-то всего ничего!

Но ведь ценность общественного достояния измеряется не только в рублях и копейках! Ведь нужно добиться такого положения, чтобы рука ни у кого не смела подняться на общественное добро, не могла бы подняться прежде всего в силу непререкаемого нравственного закона, царящего в душе каждого.

При этом, однако, нужно и зорко сторожить общественное добро. Тут вспоминается факт, рассказанный мне знакомым журналистом из Кузбасса. Один проворный дедок-надомник заключил с пятью строительными организациями пять договоров на охрану пяти строительных объектов. Вслед за тем он приобрел на базаре трех кобелей разной степени свирепости и оделал их, как он сам говорил, своими «заместителями» по трем объектам, к четвертому приспособил свою старуху, а пятый охранял сам. Когда его спрашивали: «Ну как, дед, справляешься?» — он отвечал: «Ничего, справляемся. Одна беда: зарплату во всех пяти учреждениях выдают, язви их, в один день. Запарись, пока получишь!»

Эта запарка тем не менее не помешала дедушке на доходы от охраны пяти объектов купить породистого бычка для уже имевшейся у него телки и построить домишко.

Если сюда прибавить стоимость растащенных у дедка из-под носа строительных материалов, то цена такого вот рода охраны общественного добра будет равна нулю.

Да, много мыслей вызывает у сатирика ознакомление с опубликованным моральным кодексом строителя коммунизма. А ведь я бегло коснулся здесь лишь одного из его нравственных принципов! Но даже самый объем предстоящей нам, сатирикам, очистительной работы не может не внушать бодрости, душевной энергии. Перья к бою, товарищи сатирики!

Леонид ЛЕНЧ

Сколько пламенных и вдохновенных слов посвящено женщинам!..

В течение всей своей жизни мужчины славят и воспевают женщин — матерей, любимых, жен, подруг.

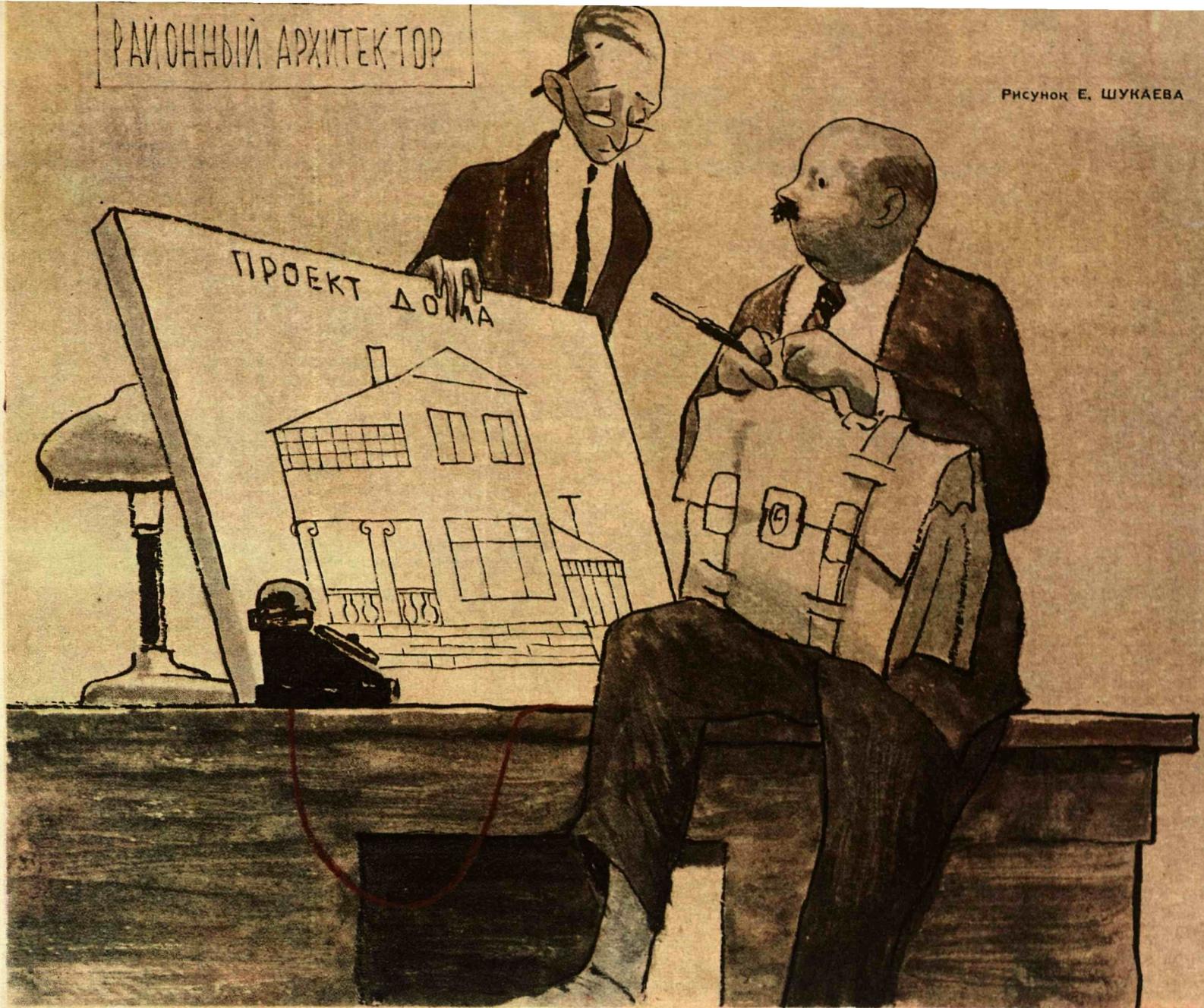
Это начинается с самого раннего возраста. Пятилетний мужчина, едва-едва освоивший буквы, старательно выводит в тетрадке с косой линейкой: «Ма-ма», «Ба-ба». При этом он, конечно, имеет в виду «бабу» вовсе не в грубом значении этого слова, он же не взрослый; «баба» для него — это милая бабушка.

Подрастая, уже в школе, маленький мужчина переходит от косой линейки к резке по парте. Перочинным ножиком он тщательно вырезает точную формулу своего отношения к столь же юной женщине; эта формула читается так: «Катя + Коля = Любовь».

Проходят годы. Мужчина растет. Сперва он находит, переписывает и посылает девушке чужие стихи, например, «Я помню чудное мгновенье».

Затем он начинает посвящать женщинам собственные произведения, вкладывая в них обожание, уважение и любовь. В зависимости от таланта автора эти стихи находят место либо в альбоме в единственном экземпляре, рядом с неистребимыми строчками «Кто любит более меня, пусть пишет далее меня», либо становятся действительно великими произведениями, в которых перед человечеством возникают пленительные образы любимых, подруг и матерей...

Мужчины с меньшим поэтическим темпераментом делают то же самое, но уже не в художественной форме, а в своих выступлениях на собраниях и даже в лекциях. С трибун они возносят хвалу женщинам, воздают им должное и выражают свою глубокую благодарность и уважение. Словом, женщина не может жа-

— Вам такой дом построить не по силам!
 — А мы на кооперативных началах: я заведу магазином, дочка — ларьком, зять — базой. Так что понемножку и наберем.

Позитивнее поэт

ловаться на недостаток внимания, уважения, обожания. Тысячи пламенных и вдохновенных страниц посвящены ей.

И все-таки, может быть, самые дорогие для себя строчки женщины прочитали совсем недавно — в газете, где был напечатан проект Программы Коммунистической партии.

В Программе есть раздел «Улучшение бытовых условий семьи и положения женщины. Содержание детей и нетрудоспособных за счет общества».

Это отнюдь не поэтичное название, но женщины читали каждую строчку этого раздела, как стихи, — с волнением и радостью.

Потому что в этом разделе идет речь о полном и окончательном раскрепощении женщины. Да, да, именно о раскрепощении от самого стойкого и вековечного угнетения ее — от угнетения бытом!

Еще до того, как юный мужчина выведет своими первыми кара-

кулями «ма-ма» или «ба-ба», и мама и баба уже целиком являются его няньками и служанками. Они стирают его пеленки, шьют ему распашонки, варят ему каши и отдают ему каждую минуту своей жизни.

И далее эта зависимость не проходит, а только растет и расширяется. Заботы о первых штанишках, о школьной форме, об уроках и многое-многое другое — все ложится на плечи «ма-мы» и «ба-бы».

Школьник, вырезавший формулу «Коля + Катя = Любовь», вырастает и женится, допустим, на той самой Кате, к которой он приплюсовывался в юности. Но как теперь изменится эта формула для Кати, которая перехватывает у «мамы» и у «бабы» эстафету бытовых забот!

Теперь семейная формула выглядит так: «Коля + Катя = Катя + корыто + кастрюли + пеленки...». Словом, плюс бесконеч-

ность бытовых обязанностей.

И поэт, сочиняющий современное «Яя помню чудное мгновение», делает это как раз в то время, когда его жена пронесится, «как мимолетное виденье», из «Гастронома» в «Бакалею», чтобы создать своему супругу наилучшие творческие условия для создания лирических произведений, воспевающих женщину.

И лектор, который целый час поворил о женском равноправии, приходит домой обедать и за десять минут съедает целый день жизни своей подруги.

Словом, и сейчас семейная женщина делает вдвое больше мужчины и поэтому пользуется благами жизни вдвое меньше его. И сейчас положение ее неравноправно!

И вот о том, как положить конец этому неравноправью, как решить эту важнейшую проблему, касающуюся по меньшей мере половины населения, и говорит специальный раздел Программы

партии. Он намечает единственно верный, действительно коммунистический общественный путь решения этого вопроса, то есть создание общественных столовых, яслей, школ-интернатов, предприятий бытового обслуживания.

Именно этот путь ведет к полному освобождению женщины, к созданию для нее всех условий для полноценной, действительно творческой жизни!

Нам лично особенно радостно было читать этот раздел Программы еще и потому, что мы в течение последнего года работали над комедией «Женский монастырь», посвященной именно этой теме — проблеме полного раскрепощения женщины, их борьбе с пережитками старого, еще сохранившимися в этой области.

**Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ,
 М. СЛОБОДСКОЙ**

Отрывок из комедии «Женский монастырь» читайте на стр. 12—14.

СОСНА РАСТЕТ В МАГАЗИНЕ! ▲ ПИВО, «СКОРАЯ ПОМОЩЬ» И ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ ▲ МОЖНО ЛИ НАЙТИ В СОВХОЗЕ КАМЕННЫЙ ТОПОР? ▲ ЕСЛИ ХОЧЕШЬ БЫТЬ ЗДОРОВ...

Санпивфургон

Рационализация — дело великое. Особенно если ее развернуть с должным размахом и применить солидную дозу изобретательности. Именно с таких позиций и подошли к делу работники Калининградского торгова.

Имеется, к примеру, санитарная автомашинка. Дохода от нее, прямо скажем, ноль. Почему бы ее

СЫРОРАСТУЩИЙ АНЧАР

Помните ядовитый анчар в стихотворении А. С. Пушкина? «К нему и птица не летит и тигр нейдет — лишь вихорь черный на древо смерти набезит и мчит ся прочь уже тлетворный».

Так вот, в Малаховке анчары не растут. В Малаховке растут сосны. Растут всюду: в лесу, на дачных участках. Одна, например, торчит метров на двенадцать прямо из крыши продовольственного магазина № 4.

Сама по себе сосна — дерево полезное, но при малаховском магазине — ядовитее анчара. Правда, ее не обходят стороной люди (магазин — место общественное), но вот ветер... как только «на древо набезит», так... крыша начинает шевелиться, а когда дождик, то около ствола она протекает. А под крышей — колбаса, печенье, крупа...

Два года назад пенсионер-общественник Михаил Архипович Кордубан обратил внимание Малаховского поселкового Совета на действия сосны, которая растет посреди магазина и портит продукты.

Задумались ответственные малаховские граждане и назначили авторитетную комиссию. Осмотрела она сосну и установила, что сосна действительно растет посреди магазина и действительно портит продукты. А посему решила: «Спилить, и немедленно».

Решила и... выдала Михаилу Архиповичу полномочие на ходатайство, в котором говорилось, что «представитель сего уполномочен по ходатайству срезки дерева при магазине № 4 на поселке «1 Мая».

Спрятал Архипыч в бумажник «уполномочие» и поехал в Раменский райисполком. Рассказал там все начистоту.

— Дело серьезное, сплеча рубить нельзя! — ответили в райисполкоме. — Приди через неделю.

Пришел Архипыч. Раз пришел, два пришел... Месяца через три исполком установил, что действительно посреди магазина растет сосна и что действительно она портит продукты. Установил и решил:

«Просить исполком Мособлсовета о спиле одного сырорастущего дерева породы «сосна».

В общем, мудрое решение принял исполком. И смелое.

— Ну вот, все в порядке. Ходатайствуй выше, — одобрили на прощание Архипыча.

Так Архипыч и стал ходатаем-профессионалом.

В. ВЕСЕЛОВСКИЙ

одновременно не использовать для торговли пивом? Устроить такой санпивфургон (см. снимок). И выгодно и удобно. Перехватил через край какой-нибудь покупатель — сажай в ту же машину и вези в вырезатель.

Л. ШАЛЯПИН

г. Калининград.

НЕТОЧНАЯ МЕХАНИКА

Бухгалтерия гродненского завода «Электросвет» приобрела несколько арифмометров курского завода «Счетмаш». Но даже и без электросвета всем стало ясно видно, что машины не действуют. Больше всего огорчены бухгалтеры: убытки от покупки счетных машин им приходится подсчитывать вручную...

Г. ТОМЧУК

г. Гродно.

ОБМЕЛЕЛА РЕКА

Курганская область выполнила полугодовой план по сдаче молока только на 35,9 процента.

Река молока обмелела. В чем тут дело? Обещания высшего качества были твердыми, крепкими, дельными... Но, увы, берега-обязательства оказались... кисельными!

ШАДРИНСКОЕ Море НА УЛИЦЕ СВЕРДЛОВА

У встревоженных прохожих Перед улицею страх: Не пройдешь ты ни в галошах, Ни в болотных сапогах! Утки рады шири водной... А печальный пешеход С аквалангом летом по дну По дорожке пешеходной Через улицу идет.

ПОЧЕМУ В ШАДРИНСКЕ РАСХВАТЫВАЮТ АКВАЛАНГИ ▲ ШУТКИ КУРСКИХ БРАКОДЕЛОВ ▲ ЕСТЬ ЛИ СТЫД У РАБОТНИКОВ ГЛАВМОССТРОЯ?

Крокодил с нагрузкой

По свидетельству Н. В. Гоголя, у Ноздрева был свой стиль купли-продажи: сбывая какую-нибудь вещь, он всегда старался всучить впридачу залежалый товар.

Авторитет Ноздрева вдохновил работников воронежского отделения Союзпечати. В киоске кинотеатра «Спартак» они продают Крокодил с приложением — брошюрой «Уход за садом». Читателям «Работницы» вместе с журналом вручаются пожелтевшие, покрытые пылью веков поздравительные открытки. Все, что на складе есть залежалого, идет в ход принудительным ассортиментом.

Жаль, что на этом складе нет ноздревской шарманки или кауры кобылы.

В. ФОМЕНКО, С. ШИБКОВА

г. Воронеж.

Пицца богов

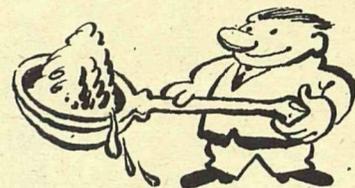
В романе «Пицца богов» Уэллс заставил своего героя придумать такой пищевой концентрат, от которого все живое гигантски прибавляло в размерах.

У известного писателя-фантаста нашлись свои последователи в универсаме № 7 Киевского книготорга. Только они поили еще дальше. Если им верить, существует такая пицца, которая не только усиливает рост человека, но и придает ему отличные моральные качества.

Не верите? Прочтите рекламное послание, сочиненное работниками этого магазина:

«ПИТАНИЕ ШКОЛЬНИКА. Книга о том, как правильно кормить школьника, чтобы он вырос здоровым, ловким и смелым. Госторгиздат, М., 1960 г.»

Хотелось бы знать: как кормили авторов приведенной цитаты?

ТРЕТИЙ НЕ ЛИШНИЙ

Крокодил уже дважды публично стыдил работников Главмостроя. Они обещали закрыть асфальто-бетонный завод на Хорошевском шоссе еще в 1955 году. А пока обещали, вокруг завода вырос целый город. Двадцать две тысячи новоселов вынуждены глотать вредную пыль. А вулкан продолжает действовать до сих пор...

В историях болезни 113-й поликлиники появились угрожающие записи: «обострение легочного заболелания», «натар верхних дыхательных путей», «бронхиальная астма».

Казалось бы, по всем этапам Главмостроя должен был прозвучать сигнал тревоги. Нет, не прозвучал! Рядом с асфальто-бетонным вулканом начал действовать еще один вулкан — бумажный.

Вместо пыли и дыма он извергает целые потоки объяснений и отписок.

8 февраля 1960 года начальник управления дорожно-мостового строительства Главмостроя тов. Голодов писал Крокодилу: «На всех смесителях БУДЕТ сделана герметизация... БУДУТ установлены две батареи сухих циклонов...»

Но тов. Голодов, очевидно, не знал, что 25 января того же 1960 года, то есть ЗА ДВЕ НЕДЕЛИ ДО ЭТОГО, заместитель начальника Главмостроя тов. Львовский, не моргнув глазом, сообщал:

«СДЕЛАНА максимальная герметизация... УСТАНОВЛЕННЫ две батареи сухих циклонов...»

Как может уже в январе работать отсасывающая вентиляция, которую товарищ Голодов обещал установить только в феврале? Правая рука не знает, что творит левая.

Признайтесь, товарищи, что ваш ручной метод отписки дал на сей раз осечку. Мы хотим дать вам добрый совет. В наш век электроники пора переходить на программно-электронный отписочный механизм. Этот уж не подведет!

Беремся утверждать, что автомат не послал бы, например, такое письмо, которое мы получили от тов. Львовского. Он сообщает редакции, что «снос асфальто-бетонного завода возможен только после ввода в эксплуатацию нового завода в Шелепихе в 1962 году».

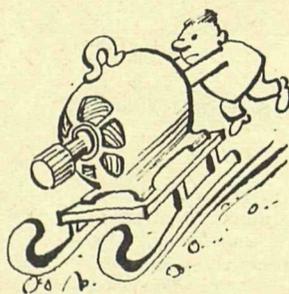
Не веря больше тов. Львовскому на слово, мы обратились в Краснопресненский райсовет. Нам авторитетно разъяснили, что завод в Шелепихе «находится еще в стадии проектирования. Начало строительства задерживается до решения спорных вопросов, поданных санэпидстанцией».

Видимо, не хочет санэпидстанция, чтобы жители Шелепихи разделили судьбу хорошевец...

Так как же, товарищ Львовский, с пуском нового завода в 1962 году? Дай бог, чтобы к этому сроку вы научились хотя бы сочинять более убедительные ответы!

Есть, конечно еще один наиболее радикальный выход: перестать вообще сочинять благополучно-розовые отписки и отдающие за километр очковитательством письма в редакцию, а взяться всерьез за очистку воздуха столицы!

Третий раз мы пишем об этом вулкане. Не многовато ли?..

АЛАБУГСКИЕ САЛАЗКИ

В автомастерских Алабугского совхоза, Звериноголовского района, моторы на ремонт перевозят на салазках.

В наш век ракет и электроники Есть старины седой поклонники. Начальству местному в упор Мотор Поставлен на салазки. Пожалуй, на таком участке Найдешь и каменный топор!

Владимир ИВАНОВ, специальный корреспондент Крокодила.

Курганская область.

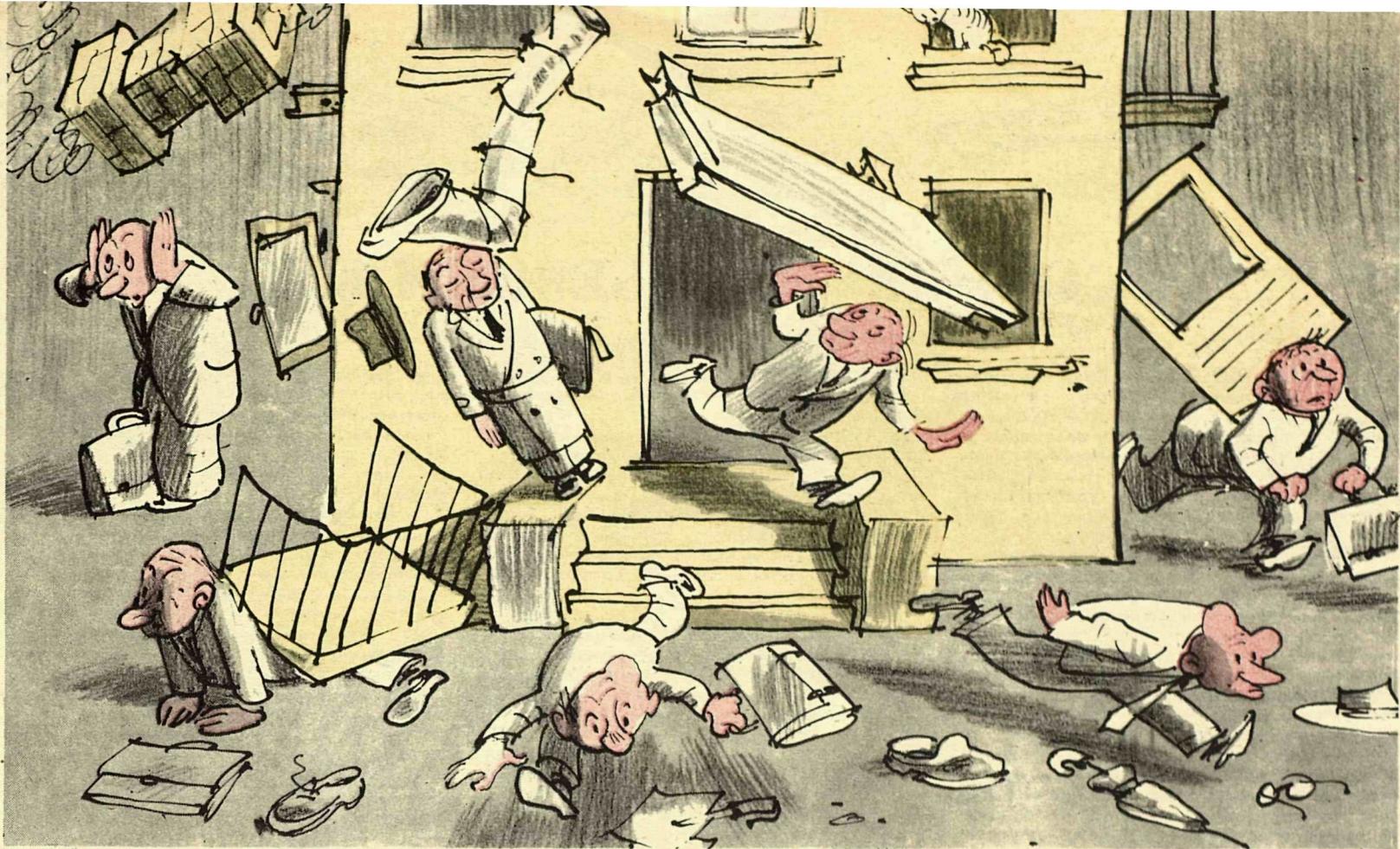

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

«Комиссия произвела беглый осмотр объекта».

Павел ГАНУШ

РАССКАЗ

ЧЕЛОВЕК, ЗАБОЛЕВШИЙ ТИКОМ

Не знаю, отчего это случилось. Вероятно, все дело в нервах. Когда я брился в то утро, намыленный человек в зеркале вдруг подмигнул мне.

Я отложил кисточку и наклонился поближе. Веко правого глаза ни с того ни с сего опять задрожало и мигнуло. Это выглядело отвратительно! Нахально! Почти нагло! Я прижал глаз ладонью и почувствовал, что веко трепещет под ней, как пойманный мотылек. А когда я принял ладонь, физиономия в стекле снова многозначительно подмигнула. Я швырнул в нее кисточку. Лукаво подмигивающий глаз исчез в мыльной пене. Я пошел на работу раздосадованный и небритый.

На лестнице встречаю вдову управдома, весьма достойную даму. То да се, доброе утро, как здоровье...

— Ничего себе,— отвечаю.— А как у вас дела?— И тут мое веко дернулось.

Достойная вдова хихикнула и шаловливо толкнула меня плечом.

— Ах вы, плутишка,— говорит она мне.

Мне! Это я-то плутишка!

И тут же приглашает меня, плутишку, зайти к ней поболтать... Дескать, временами ей бывает грустно, а то и страшно.

Выбегаю из дома и вне себя мчусь по улице. С трудом втискиваюсь в трамвай.

Толчея. Рядом со мной не переставая ворчит какой-то старик. Это действует на нервы (ах, нервы, нервы!), и я говорю ему:

— Чем вы так недовольны? Сегодня мы прекрасно едем!

Он посмотрел на меня, на мой правый глаз. Его брюзгливое лицо озарилось понимающей тонкой полуулыбкой. Он подмигивает мне левым глазом. Дескать, да, да... Прекрасно мы едем сегодня. Сегодня! Уж куда лучше...

Я стою так, что вынужден смотреть ему в лицо, и он улыбается мне, как заговорщик. «Уж мы-то понимаем друг друга»,— говорит его красноречиво моргающий глаз.

Он отвратителен. Мое веко снова начинает

нервно подрагивать. Мы подмигиваем друг другу, как две заводные куклы в витрине игрушечного магазина. Выходя, он нащупывает мою руку и горячо ее пожимает. Подмигивает еще раз. Я взбешен!

В табачной лавке возле моего учреждения я покупаю сигареты. Я всегда прошу сигареты с фильтром, но мне дают обыкновенные. Эта история мне надоела, и сегодня я твердо решаю получить «фильтры». Я смотрю на продавщицу в упор, и мое правое веко произвольно подрагивает. Взгляд ее засверкал. Она ныряет под прилавок и тут же вкладывает мне в ладонь две пачки сигарет с фильтром. Дескать, это стоит десять крон, да вчера вы задолжали две кроны— итого двенадцать. Ее красивые глазки лукаво прищурены. Одуревший, я выхожу на улицу.

Прихожу в учреждение с опозданием на десять минут. Иду, чтобы пристойно сесть на свое место, а глаз у меня так и подергивается. Коллеги смотрят на меня с восхищением и завистью. Двое подмигивают мне в ответ.

В десять часов меня вызывает директор. Все-таки я не избежал этого! Неделю увертывался, все надеялся, что найдутся эти проклятые накладные. Покорно тащусь в его кабинет. Он раскричался всюю. Дескать, и то, и другое, и вообще... Дескать, если бы он, директор, тоже так работал, то куда бы мы докатились!

А я чувствую и свое подмигивающее веко и настоятельную необходимость умиловить этого громовержца. И говорю в полупоклоне: — Безусловно, товарищ директор знает, что я был очень занят весьма важными делами... К тому же в министерстве должно быть известно, что накладные...

Колени у меня трясутся. Правый глаз тоже. Я добавляю, что никогда дела нашего учреждения не были в таком порядке, как теперь, когда у штурвала стал он...

Тут он светлеет и... крепко жмет мою руку. Дескать, его радует одобрение такого старого и заслуженного работника и что я... Словом, я

могу служить примером другим сотрудникам. Обрадованные, мы расходимся.

Заведующий Мекснер тревожно поджидает меня. Я же потрясен до глубины души и вываливаю из себя только три слова:

— Все обошлось благополучно.

Глаз мой дважды подмигивает. Заведующий облегченно вздыхает и, дружески подмигнув мне, говорит:

— Я был уверен, что ничего такого не произойдет.

Но кое-что происходит. В два часа пополудни директор назначает меня заместителем заведующего. Заведующий Мекснер поздравляет меня, не переставая подмигивать. А я никак не приду в себя и каждому объясняю, что для меня все это непонятно. От волнения глаз у меня подмигивает еще больше. Сотрудники понимающе кивают, но веки у них работают, как поршни.

Пошатываясь, бреду домой. В дверях своей квартиры мне улыбается достойная вдова управдома. На ней белый передничек. Все последующее происходит тоже вполне благопристойно.

Вечером я наконец-то могу побриться. Из зеркала на меня поглядывает парень, нахально подмигивающий правым глазом. А я бреюсь и посвистываю. Мне даже не мешают мои скверные нервы. И тик больше не мешает.

Теперь у меня есть матерински нежная вдова, сигареты с фильтром, солидное место с соответствующей зарплатой и общественное признание.

Потом я описываю этот случай. Иду в редакцию и подаю редактору рукопись. Он собирается пихнуть ее в грудку бумаг на столе, но я говорю поспешно:

— Рассказ пустяковый, но... ведь его читал товарищ...

Редактор смотрит на меня, на мой правый глаз. Движение его руки замирает.

Думаю, что рассказ будет скоро напечатан.

Перевод с чешского Людмилы ДОБИАШ.

ОСОБНЯК НА СБЕРКНИЖКЕ

НА ДИРЕКТОРА Краснодарского кирпично-черепичного комбината Исаака Яковлевича Лейбовича внезапно нахлынули возвышенные чувства. Жил человек двадцать лет в государственной квартире, пользовался коммунальными удобствами и вдруг решил от всего этого отказаться. Проявить, как говорится, инициативу.

— Пусть, — сказал он, — селятся в этой квартире какие-нибудь молодожены! Пусть растет и крепнет чья-нибудь молодая семья!

— А вы? — спросили Лейбовича.

— А я, — ответил он, скромно потупив очи, — возьму клочок земли где-нибудь у опушки леса на берегу Старой Кубани, и построю себе маленький шалашик. Вложу, так сказать, свой личный кирпич в дело жилищного строительства родного Краснодара!

Благородный почин директора получил одобрение. Пашковский сельсовет наделил застройщика землей, совнархоз — строительными материалами, а коммунальный банк — государственной ссудой.

На строительную площадку потянулись вереницы самосвалов, груженных кирпичом, рубероидом и прочими компонентами будущего шалаша. Затем, похрустывая новыми брезентовыми рукавицами, прибыли комбинатские мастера. Директор кирпично-черепичного комбината собственноручно заложил в фундамент индивидуального шалаша первый кирпич и, воспользовавшись торжественным случаем, призвал штукатуров и плотников закончить строительство к началу купального сезона на реке Старая Кубань.

И не успело щедрое краснодарское солнце перейти на летний график, как жилищно-бытовая идея Лейбовича воплотилась в пятикомнатный фундаментально-монументальный «шалаш» с каменными надворными сооружениями.

Добротный кирпичный особняк гостеприимно распахнул свои двери, а Лейбович почему-то медлил с переездом в новое жилище. Как-то жаль было ему расставаться с обжитой квартиркой. Или, вернее, ему нравилось и старое обиталище и новое. Квартира очень хороша как зимняя резиденция, дом — как летняя. Хочется сохранить и то и другое.

— А как это сделать? — недоумевала жена.

— А очень просто, — пояснил муж. — Я с дочерью пропишусь в новом доме, а ты с сыном останешься в старой квартире...

— Почему это ты в новом доме, а я в старой квартире?

— Ну, пожалуйста, ты переселяйся в новый дом, а я останусь здесь!

— Как? Из-за проклятой собственности ты готов разбить семью?!

— Ладно, ладно, — раздраженно сказал муж, — тогда все останемся в старой квартире.

— А новый дом?

— А дом до поры до времени положим на сберкнижку...

Супруге идея пришла по душе. Но легко сказать: «Положим дом на сберкнижку». Ведь сберегательные кассы недвижимого имущества на хранение не принимают. Однако предприимчивый застройщик легко преодолел и эту трудность. Лейбович обратил особняк в пачки шелестящих купюр и положил в сберегательную кассу на свое имя сто десять тысяч рублей в старых деньгах, из которых семьдесят тысяч составляли чистый барыш.

Три дня в семье директора кирпично-черепичного комбината царил согласие. А на четвертый жена, нервно теребя сберегательную книжку, сказала:

— Всегда ты спешишь! Если бы ты не продал дом, мы теперь могли бы обставить его модной импортной мебелью.

— Если бы у нас был дом, дорогая, — заметил Исаак Яковлевич, — то у нас не было бы сберкнижки.

— Но теперь у нас есть книжка, — возразила жена. — Так добивайся новой квартиры!

И Исаак Яковлевич стал добиваться. Он взял авторучку и написал заявление в местком:

Прошу срочно предоставить мне новую коммунальную квартиру, так как я и члены моей семьи находятся в чрезвычайно стесненных жилищных условиях. В просьбе прошу не отказать.

К сему

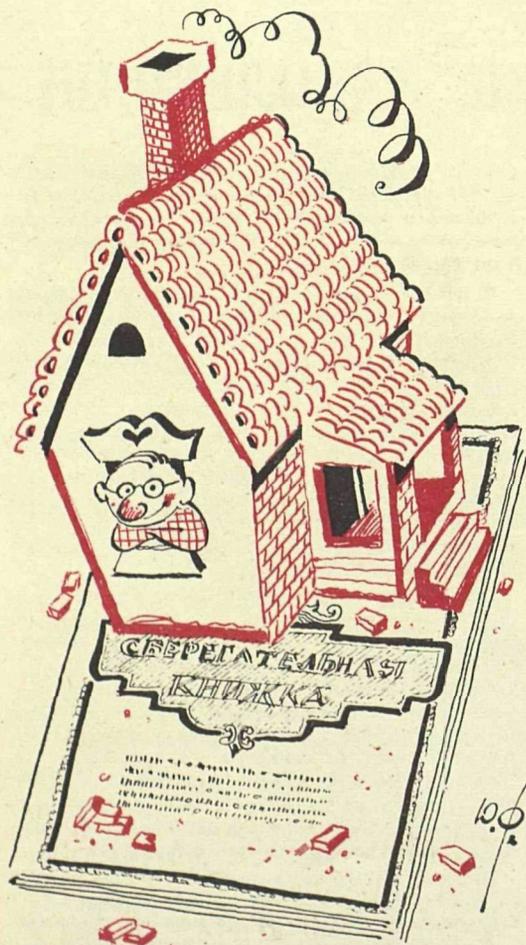
член профсоюза Лейбович.

В месткоме заявление рассмотрели без волокиты и постановили: просьбу удовлетворить.

Мы нанесли визит директору кирпично-черепичного комбината. Пришли, а попасть на прием не можем.

— Директор занят, — шепотом сказала секретарь, благословенно поглядывая на двери кабинета. — У него совещание о ходе выполнения государственного плана.

Закончилось совещание о плане, началось заседание о политико-воспитательной работе. Затем у директора состоялось собеседование по вопросу об укреплении трудовой дисциплины.

«Да тот ли это Лейбович?» — начали сомневаться мы. Мы шли к Лейбовичу, обремененному пережитками, а за дверью сидит директор, которого одолевают заботы о государственном плане, о воспитании коллектива, о высокой сознательности.

Но вот в приемной звякнул звонок.

— Пожалуйста, заходите!

Заходим.

— Нас интересует история вашего благородного почина, — начали мы, обменявшись приветствиями с директором комбината.

— А вы, что, из милиции? — забеспокоился Исаак Яковлевич.

— Нет, нас интересует моральная сторона вопроса.

— Ах, моральная! — облегченно вздохнул Лейбович и, придя в себя, твердо добавил: — О морали, дорогие товарищи, мы поговорим в другой раз. У меня теперь кирпич в голове!

Секретарь парторганизации Петров и председатель месткома комбината Свистоплясов тоже считали, что моралью, как и настольными играми, следует заниматься в свободное от работы время.

— Комбинат план выполняет? Выполняет. Значит, директор где? На высоте.

С таким же мерилом подходят к руководящим застройщикам и в Краснодарском горисполкоме. Здесь бережно хранят целый список руководителей предприятий и учреждений, которые наживаются на собственных домах. Рядом с Лейбовичем в этом списке Е. М. Маркелова — заместитель управляющего конторой маттехснаба совнархоза. Она тоже положила особняк на сберкнижку, а сама заняла квартиру в новом доме. Уголовно этот поступок, может быть, и ненаказуем. А морально?

В горсовете рассуждают:

— Дела у Маркеловой идут? Идут.

— Контора пишет? Пишет.

Число энтузиастов, стремящихся внести вклад не столько в разрешение жилищной проблемы, сколько в берегательную кассу, растет.

В горкоме партии отнюдь не считают такое явление нормальным. Требуют от горисполкома усилить контроль за распределением квартир и повести решительную борьбу с частным предпринимательством.

В горсовете не отрицают фактов и ссылаются на профсоюзные организации, без ведома которых не выдается, дескать, ни юдного ордера.

В профсоюзных органах недостатки охотно признают. Председатель крайкома союза строителей М. П. Соболев, великодушно одаривший новой квартирой домовладельца Лейбовича, хитроумными комбинациями индивидуальных застройщиков как будто даже возмущается. Возмущается, а воспрепятствовать им не может: собственные грехи не позволяют. Сам Соболев тоже домовладелец и тоже занимает квартиру в государственном доме.

— Но ведь я никакой инструкции не нарушил, — уверяет председатель крайкома. — Другие дома продают, зарабатывают. А я свой уступил сыну с невесткой. Безвозмездно. Бескорыстно!

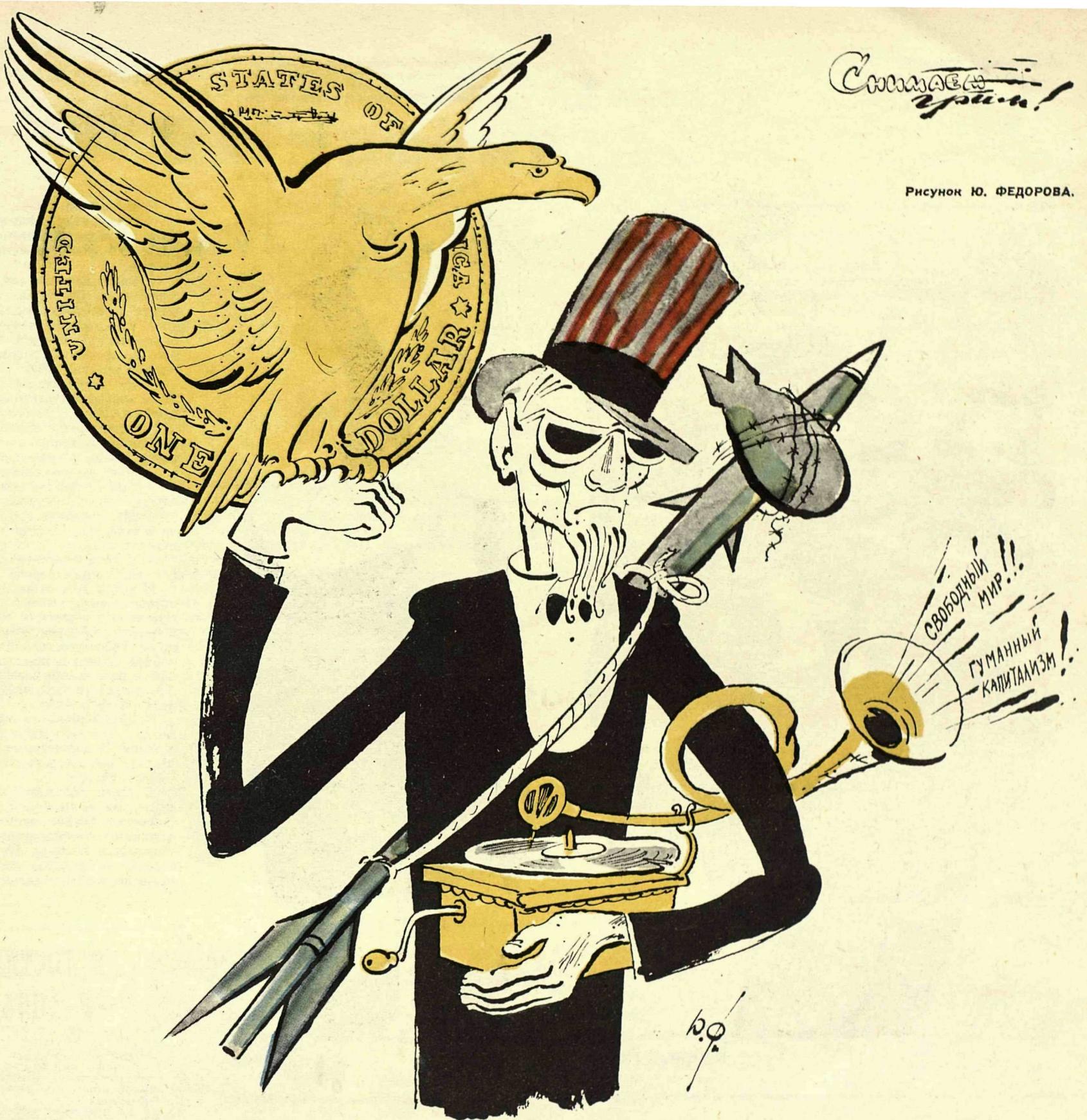
Председатель крайкома твердо убежден, что он поступил не только как любящий отец, но и как сознательный гражданин. Так же думают о Соболеве в городских и краевых организациях. И не только о нем, но и о Лейбовиче, Маркеловой и о всех других застройщиках, пораженных вирусом стяжательства.

Их поощряют и даже ставят в пример другим. А эти «передовики», проводя совещание о выполнении государственного плана, думают о кирпиче для собственного шалаша. Разглагольствуя о высокой сознательности и нормах коммунистической морали, они про себя подсчитывают барыши и, заседа в президиуме торжественного собрания, ласково поглаживают карман, в котором покоится особняк на сберкнижке.

А. ГОЛУБ,
Б. ДАНИЕЛИЯ,

специальные корреспонденты
Крокодила

г. Краснодар.

ОХОТНИК СО СТЕРВЯТНИКОМ

ГРОБОВОЙ БИЗНЕС

Незабвенный Безенчук, гробовых дел мастер из «Двенадцати стульев», глубоко презирал конкурентов из похоронного бюро «Нимфа». «—Нимфа», туды ее в качель, разве товар дает? — говаривал Безенчук. — Разве ж она может покупателя удовлетворить? А я фирма старая. У меня гроб — огурчик, отборный, любительский...»

Судя по сообщениям американского журнала «Тайм», можно подумать, что Безенчук и «Нимфа» перебрались за океан, где продолжают свою ожесточенную конкурентную борьбу. «Тайм» рассказывает, что Ассоциация директоров похоронных фирм Калифорнии собирается

выбросить на рынок привлекательную новинку — гроб под названием «Вечность». Цена — 785 долларов за штуку. Этот «отборный любительский огурчик» выполнен из особого синтетического огнеупорного материала и способен выдержать любые радиоактивные неурядицы атомного века.

Но и конкуренты не дремлют. Один предприимчивый делец из Род-Айленда решил, что Ассоциация директоров, туды ее в качель, не может своей «Вечностью» удовлетворить покупателя. Род-айлендский похоронных дел мастер предложил высылать гробы наложенным платежом любому клиенту, который пожелает заранее запастись этим предметом. Вот какие

удобства сулит новоявленный Безенчук из Род-Айленда: «За 120 долларов вы получите элегантно сделанный нейтрального вида ящик. Покройте его подушками или ковром, и он может вам прослужить много лет как диван, вплоть до того момента, когда он вам наконец понадобится для выполнения своего главного назначения».

Как видите, кладбищенский бизнес по своему размаху и изощренности рекламы не уступает бизнесу в любой другой области заокеанского жителя-бытия. Оно и не удивительно. Ведь в осатанелой погоне за прибылью и состоит «выполнение главного назначения» капитализма.

ИХ МНЕНИЕ

французских правящих коммунистической просто было получить мне удалось кое-что

его лица и отправился к... хорошо знаю (мы... противления: он в Лон... (снова). Но едва лишь я... источники обществен... током», как великий

ерским материализмом.... стижия и власти. Обра... т он.

тянувшись в безупреч... а его кабинета, тут же... стра Мишеля Дебре.

у, что сказал президент... г-н Дебре, даже не вы...

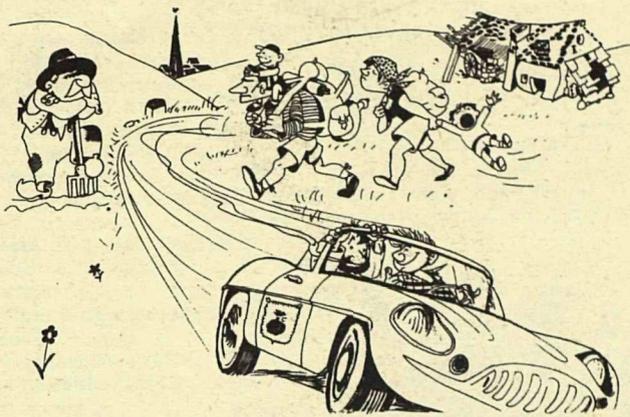
аз де Голль отослал ме... тим польщен, но не на...

ответить, так как не чи...

дам столицы, то и дело... тра» ревелись. Я все... обратиться, как вдруг... Гроссак из знаменитой... ных шахт, банков, са... которых изображен ме... е. С малышом Жераль... о мне нужно, прелестное

у с моим отцом, ты ведь... о человек правят сейчас... ыхает в своем поместье... и могу захватить тебя.

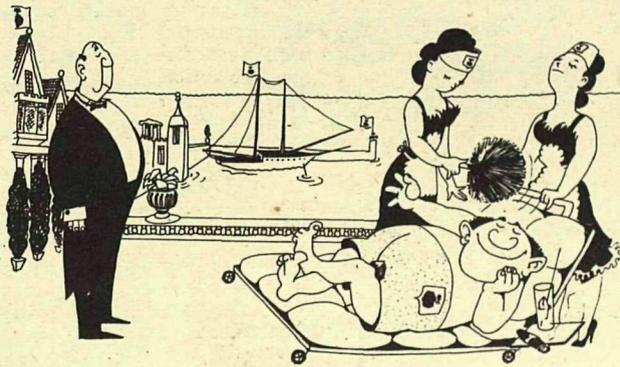
машине, которая стоит... альд промчал меня со... без всю Францию по на... в самый разгар сезона... ам встречались рабочие... ера, теперь шли пешком... ы провести свой отпуск

в палатках. Они проходили мимо крестьян, по дешевке уступающих свои продукты перекупщикам, которые перепродают их затем по ценам, слишком дорогим для рабочих. Вот потому-то на наших складах и гниют запасы продовольствия, в то время как есть еще люди, живущие впроголодь.

Вскоре мы были на Лазурном берегу.

Жеральд представил меня своему палаше, который выслушал меня с самым безмятежным видом. Когда я сказал ему, что объем советской продукции еще больше увеличивается, он пожал плечами, пробормотав:

знались. Разве вы меня знаете?

— Еще бы! Я с тобой давно знаком.

Гость ухмыльнулся.

— Вы знаете, кто я такой?

А ну-ка скажите.

— Сказать? Ну, нет, я мим.

Мне говорить не пристало. Я покажу тебе, кто ты такой.

И Бип показал:

Крокодил смутился.

— Ты прав, Бип. Сколько лет посмеиваюсь над теми, кто падок до лестии, а сам раскид от твоего комплимента. Видимо, и крокодилам свойственны человеческие слабости.

— А другая слабость тебе несвойственна? — спросил Бип и опять преобразился.

— Никогда не думал, что ты так красив и элегантен! — воскликнул Крокодил и зааплодировал. Он был явно польщен тем, как Бип изобразил его.

— Ну-ну, не очень-то задавайся! — Эту фразу Бип не произнес, а только показал, отчего она не стала менее понятной.

И хотя ни одного звука не вылетело из его рта, всем послышалось что-то до боли знакомое, как будто Бип зашел «Шумел камыш, деревья гнулись».

— Что ты, что ты, — замахал лапами Крокодил, — этого за мной не водится! Я даже курить бросаю!

— Но я надеюсь, никто не обвинит тебя в пристрастии к спиртному, если ты выпьешь со мной шампанского за наше знакомство, за нашу дружбу, за наше общее дело — сатиру и веселый юмор.

И Бип налил воображаемое шампанское в воображаемую чашу и протянул ее Крокодилу. От такого угощения нельзя было ни отказаться, ни охмелеть.

В это время на пороге появился строгий, скучный че-

— Я лично сумел увеличить свои прибыли в четыре раза за пять лет...

Когда я закончил свою краткую речь, он расхохотался:

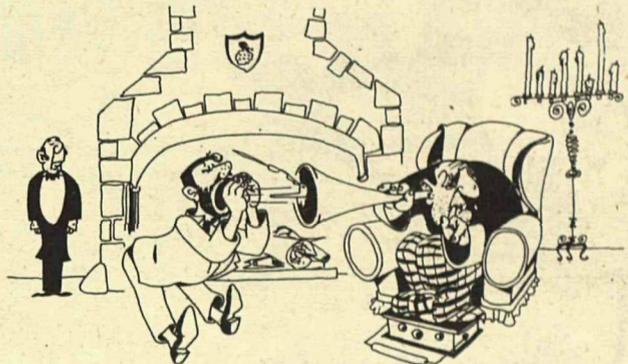
— Оглянитесь-ка вокруг, дорогой мой. Всем тем, что Советский Союз обещает предоставить через двадцать лет, лично я уже обеспечен. Вы не можете не признать, что они отстают от меня на целую четверть века.

На прочие мои вопросы он не пожелал ответить и посоветовал мне обратиться к дедушке Гаэтану де Гроссак, вот уже при четырех республиках сменявшему самого себя на посту министра земледелия.

Из-за своей злосчастной деликатности я испытывал большую, чем когда-либо, неловкость при мысли, что мне придется беседовать с этим старцем. Жеральд, который собирался идти играть в гольф, подтолкнул меня и постарался ободрить:

— Да иди же! Вы, несомненно, поймете друг друга.

Ничего не поделаешь, пришлось все подробно объяснить этому престарелому политическому деятелю. И наконец я добился ответа, исторического ответа, который показал, что не зря я взялся за этот репортаж:

— Советы... кхе... кхе... Советы... гм... гм... ахахаха... Советы... га... га... Я всегда говорил... ахаха... что Советы дольше восьми дней не продержатся.

Перевод с французского. Рисунки автора.

...и сделал этот рисунок.

Рисунок можно понять двояко: то ли это Крокодил, которому Марсель Марсо подарил цилиндр и фрак своего Бипа, то ли это Бип отрастил зубы, как у Крокодила.

Несомненно одно: подпись под рисунком сделана человеком добрых и искренних чувств. Вот что она означает:

«Крокодилу по дружески от зубастого Бипа. Марсель Марсо».

Сопровождал Крокодила Н. ЛАБКОВСКИЙ. Запечатлел встречу на пленке Г. ЗЕЛЬМА.

Согласно инструкции свыше

В конторе сотрудник служил.
Служил,
к волоките привыкший.
Он издавна фразу любил:
«Согласно
инструкции
свыше».

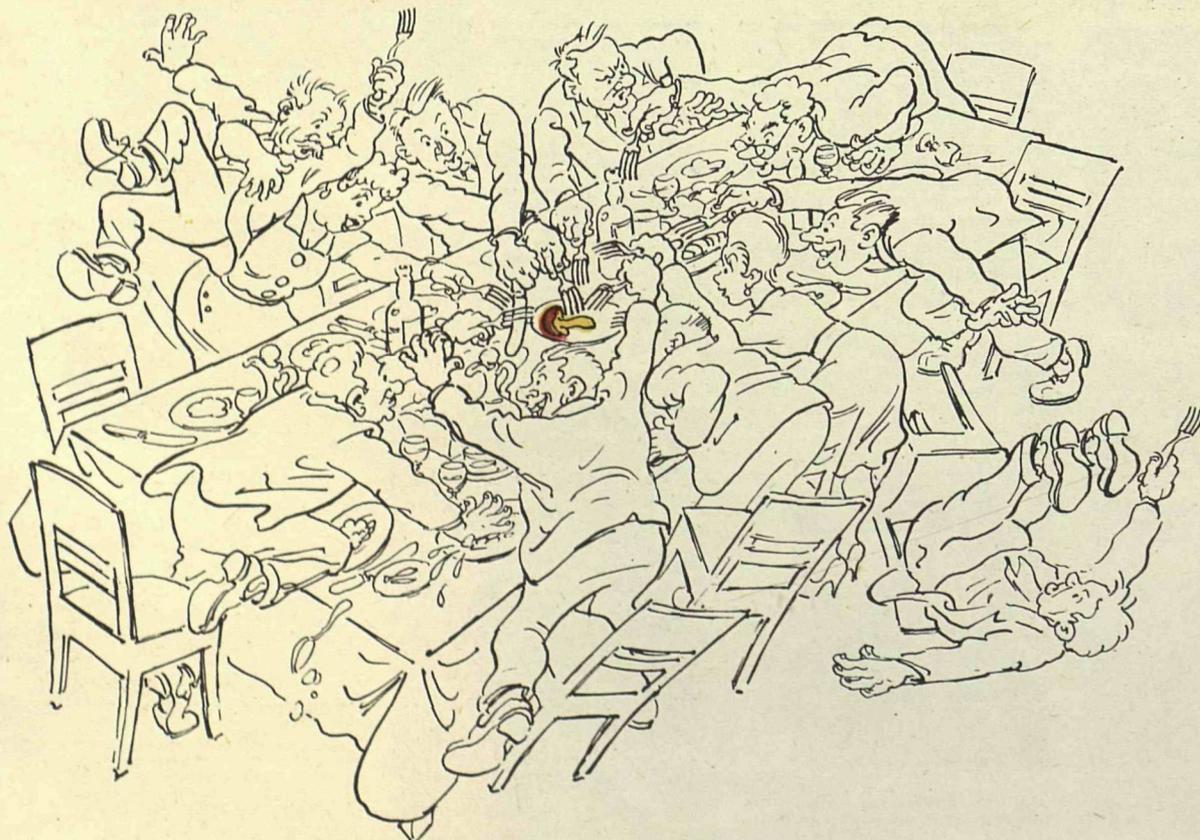
Не скажет
ни да и ни нет,
лишь к папкам
придвинется ближе
и вымолвит:
«Дам свой ответ,
согласно
инструкции
свыше».

Бумагой шурша,
словно мышь,
он с легкой душой подпишет
любую бумажку,
но лишь,
согласно
инструкции
свыше.

Он свыше инструкции ждал,
чтоб жить
поспокойней и тише.
Казалось,
он даже дышал,
согласно
инструкции
свыше.

Он был в эту фразу влюблен,
в ней
музыку сладкую слышал...
Со службы вдруг вылетел он,
согласно
инструкции
свыше!

Рисунок А. БАЖЕНОВА

Банкет в конторе «Заготгриб».

Сила поэзии

Начало этой истории пока для нас загадочно и туманно, вроде происхождения колец вокруг Сатурна. Рисуется оно нам примерно так.

...Задание было четким и немногословным.
— Надо поддержать сангигиену! Наглядной агитацией. Сочините два запоминающихся стиха-плаката. Только пользоваться вам разрешается всего двумя рифмами: «ты» и «рты».

Поэт озадаченно заморгал.
— Трудновато будет,— робко сказал он,— при таких условиях даже Гомер...

— А вы переплюньте Гомера!..
Всю ночь трудился поэт. Наконец его осенило. Спустя несколько дней изумленные жители города Красноводска читали вывешенный на стене морского вокзала плакат:

**ТО, ЧТО БРАЛИ
ЧУЖИЕ РТЫ,
В СВОЙ РОТ
НЕ БЕРИ ТЫ.**

А несколько поодаль от первого плаката висел второй:

**ЗАПОМНИТЕ ВЫ,
ЗАПОМНИ ТЫ-
ПИЦЦУ ПРИНЯВ,
ПОЛОЩИТЕ РТЫ.**

Конечно, брать в рот то, что побывало в чужих ртах,— дело рискованное и опасное. Но угощать злополучных пассажиров подобными поэтическими перлами, право, куда хуже.

Э. ПРОСЕЦКИЙ

Безнравственные босоножки

Представьте себе, что к подъезду солидного дома подходят какие-то странные женщины. В изнуряющую жару они носят темные, с глухими воротниками платья. Они тяжело волочат ноги, обутые в ботинки, полусапожки и даже сапоги. Уж не монахини ли? А здание — уж не женский ли монастырь?

Нет, товарищи, это не монахини. И здание — это не монастырь. Странно одетые женщины носят в сумочках профсоюзные, досоафовские и другие книжечки. Они, эти женщины, будучи убежденными атеистками, очень любят смотреть кино, спектакли и купаться на речке в купальных костюмах. Они могут весело смеяться и кокетливо улыбаться. Словом, везде, кроме облисполкома, эти женщины ведут себя нормально.

А вот в облисполкоме, куда входят сейчас эти странно одетые женщины...

— Это что такое? — спросил как-то заведующий общим отделом тов. Страх у постового милиционера, дежурившего у входа в облисполком.

— Как что? Женщина! — удивился милиционер.

— Это мы понимаем, — прервал Страх. — А вы посмотрите сюда. — При этом тов. Страх стыдливо порозовел. — Видите?

— Ну, так ведь это ноги, — констатировал милиционер, пожимая плечами. — Ноги в босоножках.

— То-то и оно, что в босоножках, — целомудренно заметил Страх. — Ведь это не женский пляж, чтобы здесь в босоножках разгуливать. Тут взрослые мужчины, а она щеголяет в неприличной обуви. Я уж не говорю о том, — понизив голос и окончательно покраснев, добавил Страх, — что у нее — страшно сказать! — руки голые. Здесь учреждение, а не Декамерон!

И постовым милиционерам было дано строжайшее указание: в целях охраны целомудрия и высоких нравственных устоев мужчин — работников Черновицкого облисполкома не пускать в здание женщин, одетых в открытые легкие платья с вырезом и без рукавов, а также обутых в безнравственные босоножки.

Назначить бы тов. Страха директором музея изящных культур, он, не задумываясь, обрядил бы Венеру и Аполлона в одежду и обувь, скроенную по самым строгим образцам.

В. ТИТОВ

МИМОХОДОМ

— Чем занимаетесь? — спросил комсорг.

— Грустим.

— Отлично. Но веселей, веселей надо грустить!

Назвался экскурсантом — полезай в кузов.

Невесту выбирал с чувством, с толком, с обстановкой.

Ничего себе — стоимость!

Ю. НИКОЛЬСКИЙ

В МЕШКЕ

Колхозники сельхозартелли «Дружба», что неподалеку от Алма-Аты, купили кота в мешке. Было это так.

Прежний председатель колхоза проштрафился, и пришлось выбирать нового. На выборное собрание прибыл сам товарищ Жихарев — секретарь ныне упраздненного Алма-Атинского сельского райкома партии. На всем протяжении собрания секретарь райкома хранил загадочное молчание, а когда перешли к выдвижению кандидатур на пост председателя, взял слово.

— Беда ваша в том, дорогие товарищи, — поворил он, — что у вас до сих пор не было настоящего руководителя. Теперь, дорогие товарищи, у вас будет такой руководитель. Боевитый, деловитый...

— Кто такой? — послышался голос.

— Наш всеми уважаемый Павел Артемьевич Глушко.

— Не знаем такого. Пусть покажется!

— К сожалению, дорогие товарищи, — развел руками Жихарев, — товарищ Глушко в данный момент не может вам показаться. Товарищ Глушко сдает дела в другом колхозе, где был председателем. Потом должен поехать на курорт... Да вы не смущайтесь, дорогие товарищи, голосуйте!

И колхозники сельхозартелли «Дружба» проголосовали.

Так они купили кота в мешке.

Кот оказался нечистоплотным: запуская лапы в колхозную кассу, обывал «налево» материалы, предназначенные для строительства коровников и кошар. Колхозники не стали церемониться и вышвырнули шкодливого председателя за дверь.

П. А. Глушко пришел в райком, к Жихареву. — С «Дружкой» у меня дружбы не вышло, давайте другую руководящую должность.

— Как же это ты, дорогуша, подвел нас? — совестил его Жихарев. — Мы тебя, можно сказать, всем своим авторитетом двигали, а ты...

— Не дадите новую руководящую должность, — бубнил П. А. Глушко, — жаловаться буду в обком, по головке вас не погладят.

«А ведь и впрямь не погладят!» — сообразил Жихарев. — Даже указать могут, что, дескать, несерьезно к выдвижению на руководящую работу подходим...»

И стал П. А. Глушко директором совхоза «Аксай».

Привычка, говорят, — вторая натура, и шкодливого кота вскоре пришлось освобождать от должности директора. И вновь, на этот раз уже в Илийском райкоме, состоялся разговор:

— Не дадите руководящую должность, буду жаловаться...

— Дадим, голубчик, дадим, только, ради бога, никуда не обращайся! Ведь свои люди... Устроит пост директора Чингельдинского откормочного совхоза?

— Откормочного? — задумался П. А. Глушко. — Ежели откормочного, тогда, пожалуй, пойдет.

В Чингельдинский совхоз новый директор прибыл не один: привез с собой одиннадцать пройдох из совхоза «Аксай». Прежде чем распределить между ними должности, оказал:

— Совхоз откормочный, так что насчет того, чтобы подкормиться, имейте в виду.

И для наглядности начал действовать личным примером. Самолучшая буренка из совхозного стада перекочевала во двор директорского особняка. Маршрут выращенных на совхозных кормах хрюшек был сложнее: отделение совхоза — директорская усадьба — алма-Атинский рынок. В гараже директорского особняка (выстроеном, разумеется, за счет совхоза) тем временем появилась лазеревая автомашинка, а добротный дом П. А. Глушко в Алма-Ате, на улице Сибирской, все больше стал походить на чудесную загородную виллу.

— Директор кормится, — рассуждали перекочевавшие в Чингельды из «Аксай» жулики, — но и мы не лыком шиты! Совхоз-то откормочный!

ПОЧУЯЛИ ЛИПУ.

Не только рассуждали, но и действовали. Заведующий скотобазой совхоза Байсаев принес директору закупочные квитанции на скот, будто бы принятый от Илийского сельпо.

— Лица? — полюбопытствовал директор.

— Один аллах без греха... Да и вы же сами, аксакал, сказали, что совхоз откормочный.

— Ну, кормись, почтенный, да обычай помни, — молвил директор, ставя свою подпись на заведомой фальшивке.

Судьба сорока тысяч рублей, положенных в карман жуликом Байсаевым, не была выяснена даже на суде, перед которым предстали

Байсаев и его десять дружков — расхитителей общественной собственности.

А тем временем корма, полученные совхозом для доразивания и нагула скота, тысячами центнеров шли на алма-Атинские базары.

На одном из партийных собраний коммунисты — главный агроном совхоза Кочетов, главный инженер Галкин и рабочий Шилов, — набравшись смелости, сказали директору:

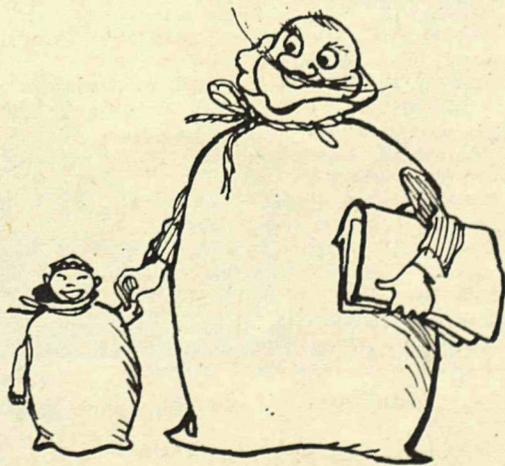
— Ты бы, друг сердешный, хоть каплю совести имел, очки бы постеснялся втирать, хапал поменьше да и дружков-приятелей приструнил. Ведь чистый грабеж среди бела дня идет!

Сказали и пожалели об этом: последовало строжайшее указание управляющего Алма-Атинским трестом совхозов Н. Н. Горбенко всех троих немедленно убрать из совхоза. А порядки в Чингельдах строгие: сказано — сделано.

О проделках директора Чингельдинского откормочного совхоза П. А. Глушко еще в марте нынешнего года стало известно Алма-Атинскому обкому КП Казахстана и облисполкому, а заодно и редакции республиканской газеты «Казахстанская правда». Вместо того чтобы немедленно освободить совхоз от очковитирателя и хапуги, руководящие товарищи из областных организаций предались раздумьям о том, как бы пристроить П. А. Глушко на новую руководящую должность. Иначе нельзя. Иначе он обидится!

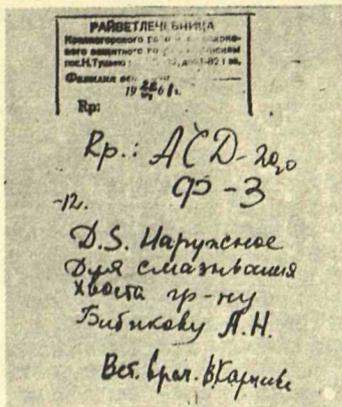
Н. ЗВЕРЕВ,

специальный корреспондент Крокодила
пос. Чингельды,
Алма-Атинской области.

ХВОСТАТЫЙ ПАЦИЕНТ

Редакция располагает интересным документом, который дает нашим биологам богатую пищу для новых научных исследований. Вот он, этот документ.

Мы ломаем себе голову над роковым вопросом: был ли гр-н Бибиков исчадием ада или скромный, но удачливый врач Красногорской ветлечебницы нечаянно обнаружил среди своих пациентов уникальную особь — хвостатого человека?

И попутно еще один вопрос, который нужно разрешить: помогла ли прописанная мазь излечению больного хвоста?

В бегах

Ее холили и нежили. Поили и кормили. Она смотрела на мир оптимистически. Особую радость вызывал у нее дождь. Она знала: будут лужи и грязь. Это ей нравилось, ибо она была свиной.

Однажды она услышала роковое для себя слово — «мясокомбинат». Превращение в окорок, тушенку или холодец ее не устраивало. Свиные хотелось жить. И по пути на мясокомбинат она сбежала. Выпрыгнула, говорят, на полном ходу из кузова автомашинны.

Тщательные поиски не дали результата. И потому в городской газете Череповца появилось эпическое воззвание к населению: «При перевозке свиной на автомашине из Уломы на Череповецкий мясокомбинат была утеряна одна свинья. Знающих о ее нахождении просьба сообщить по адресу: «Уломский приемный пункт или Череповецкий мясокомбинат».

Нам неизвестно, привел ли кто-нибудь к розтозеям, сопровождавшим свиное поголовье, дерзкую скотинку. Во всяком случае, сама свинья ведет себя по-свински: ни на мясокомбинате, ни на Уломском приемном пункте она не появилась и ничего о себе не сообщила.

Ю. М.

С другой стороны...

Перед вами открытка как открытка. Памятник старины. Это с одной стороны. Перевернем. Посмотрим. И что мы увидим с другой стороны? Подпись на четырех языках: «Псков. Общий вид города».

Наверное, еще во времена своего основания — около тысячи лет назад — Псков выглядел несколько более обжитым и солидным. Как видим, не только медаль, но и иная открытка имеет свою оборотную сторону.

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ,
М. СЛОБОДСКОЙ

МУЖСКОЙ ГОРОД

(Сцены из комедии)

В комедии «Женский монастырь», отрывок из которой мы печатаем ниже, авторы рассказывают необычайную историю, происшедшую в новом сибирском городе Достигженске.

Мужчины Достигженска, на словах активно ратая за всяческое облегчение женского труда и быта, на самом деле мало что-либо делают практически. Дворцы спорта, Дворцы культуры и даже Дворцы бракосочетаний они строят раньше яслей, общественных столовых, интернатов и бытовых мастерских.

Женщины города для того, чтобы проучить мужей, решили поставить их временно на свое место в быту, то есть у плиты и у корыта.

Не открывая мужчинам истинной цели своего замысла, они подгадали отпуска и все вместе уехали из города, взяв на себя обязательство достроить в пятидесяти километрах от города, на территории бывшего женского монастыря, большой дом отдыха.

В городе остались одни мужчины, поначалу даже довольные этим временным «раскрепощением». Один из них надеется спокойно дописать книгу, другой — вволю порыбачить, третий — свободно «поболеть» на стадионе, а четвертый — даже поухаживать за какой-нибудь приезжей незнакомкой...

В этой картине мы застаем четырех приятель-соседей, супружеская свобода которых длится уже более двух недель...

Квартира Наташина. В прошлом, очевидно, довольно уютная комната. Небритый Наташин в демисезонном пальто, надетом прямо поверх майки и пижамных брюк, стирает в большом эмалированном тазу. Стук в дверь.

НАТАШИН. Входите. (Входит Тушканчик.) Я же не запираю. Как условились.

ТУШКАНЧИК. Так что мы имеем? Постирушку? (Заглядывая.) Костюмчик?

НАТАШИН. Чесу. Последнее, что еще можно отстирать. Кухонная деятельность губит всю одежду.

ТУШКАНЧИК. Кстати, имею идею: коллективный пикник за город. Обязанности тамады беру на себя. Ваши продукты — мои тосты. Пойдет?

НАТАШИН. Надоело! И потом у меня свидание. Чисто интеллектуальная встреча, разумеется. Изумительная женщина, приезжая, солистка филармонии, начитанная, изящная, содержательная!

ТУШКАНЧИК. Понятно, понятно...

НАТАШИН (не без кокетства). Ну, зачем так прямолинейно... Солистка мечтает, чтоб я о ней написал. Сегодня она пригласила меня на концерт. У вас есть носки?

ТУШКАНЧИК. Какие носки?

НАТАШИН. Целые.

ТУШКАНЧИК. А-а. Поищем. А у вас есть бычки?

НАТАШИН. Какие бычки?

ТУШКАНЧИК. В томате. Тоже целые.

НАТАШИН. Поищем.

ТУШКАНЧИК. Учтите: пара носков — это теперь две пары бычков. Мужчины раскупили в городе все носки.

НАТАШИН. Как и все бычки. (Стук в дверь. Входит МАЛАХОВ.)

МАЛАХОВ. Привет! Мыло есть?

НАТАШИН. Сейчас дам. Только еще раз постирну. (Уходит с тазом.)

МАЛАХОВ. Дети извели мыло на пузыри.

ТУШКАНЧИК. На рыбалку поедем? Вы же сами мечтали. Ущией угостимся...

МАЛАХОВ. Мечтал!.. Какая там рыбалка!.. У меня ванна набита детьми!

ТУШКАНЧИК. Всеми сразу? Легче мыть по очереди. Назначьте каждому день.

МАЛАХОВ. Пробовал. Тогда я не знаю, кого я вымыл. У них круговая порука: один моется за троих. Получается, что я все время мою чистого, а у остальных праздник.

ТУШКАНЧИК, получив консервы от вернувшегося с тазом Наташина, уходит.

НАТАШИН. Сейчас освобожу вас мыло.

(Стирает.)

МАЛАХОВ. Вы испортите паркет.

НАТАШИН. Привязан к телефону. Должна позвонить одна солистка филармонии. Мы хотели интеллектуально провести вечер. Вы умеете брить?

МАЛАХОВ. Вас? Я могу попробовать.

НАТАШИН. Нет. Если в первый раз, не стоит. Все девушки-парикмахерши уехали в монастырь, остались только дамские мастера, потому что они, видите ли, мужчины! (Стук. Входит ЛАДЫГИН с пылесосом.)

ЛАДЫГИН. Я принес вам выписки.

НАТАШИН. Я сейчас. (Малахову.) Вот вам мыло. (Выходит с тазом.)

ЛАДЫГИН (Малахову). Мыло? Погодите, одного мыла мало. Я выписал вчера из «Домоводства». (По листку.) Необходимо добавлять в воду синьку... У вас есть синька?

МАЛАХОВ. Есть. Учту. (Уходит. Из кухни возвращается Наташин с тазом.)

ЛАДЫГИН. Вот я выписал... (Читает по листку.) «Для лучшего отстирывания белья добавляйте клей». (Кладет в таз плитку клея.) Болтайте, чтоб скорей разошелся.

НАТАШИН. Там написано: столярный?

ЛАДЫГИН. Там сказано: клей. Столярный же крепче других! Ничего, все вместе, помогая друг другу, мы сладим с любыми трудностями! Где у вас пылесос?

НАТАШИН. В углу.

ЛАДЫГИН. Я хочу слить свой с вашим. Я начал его разбирать и что-то заело. (Изучает пылесосы.) Не открывается. А у меня остановилась работа над книгой. Перед тем как сломаться, он ухитрился всосать в себя утверченный конспект моей рукописи...

НАТАШИН. Послушайте телефон, я повешу сушить костюм. (Выходит.)

ЛАДЫГИН включает пылесос. В момент наивысшего рева входит дама. Ладыгин выключает пылесос.

ГОСТЬЯ. А где хозяин, голубчик?

ЛАДЫГИН. Сейчас. (Зовет.) Наташин, к вам пришли!

НАТАШИН (входя, видит женщину). Вы?

ГОСТЬЯ. Собственной персоной вместо звонка. Сюрприз! (Присматриваясь.) Но что с вами? Вы боксировали?

НАТАШИН (поспешно). Нет, нет, это я так... в творческом процессе... Люблю писать в пальто... (Ладыгин уходит с пылесосами.) Я очень рад, что вы пришли.

ГОСТЬЯ. Приведите себя в порядок, и пройдемся до концерта. По дороге я расскажу вам о своих творческих планах.

НАТАШИН. Двадцать минут, пока подсохнет... Поболтаем пока здесь.

ГОСТЬЯ. Охотно. Вы знаете, я сейчас вся в творческих поисках, хочу сделать себе новый репертуар. Вы помните... (Декламирует.)

Лобзая грудь, ее фатою прихотливо
Играет бриз, венком ей обрамляя лик...
Плачущая над ней рыдает молча ива,
К мечтательному лбу склоняется тростник...

НАТАШИН. Что это?

ГОСТЬЯ. Как? Вы не узнаете? Это же Рембо! Помните, в парке вы говорили?.. Я теперь готовлю Рембо.

НАТАШИН. А-а... Это прелестно. Может быть, вы почитаете, пока сохнет?

ГОСТЬЯ. Вообще-то у меня еще не сделано... Но я с того же места, а то собьюсь... (Читает.) Лобзая грудь, ее фатою прихотливо... (Стук.)

НАТАШИН. Извините. (В дверь.) Да! (Входит ТУШКАНЧИК.)

ТУШКАНЧИК (представляясь). Тушканчик, сосед.

ГОСТЬЯ (так же). Вертолетская, солистка филармонии.

ТУШКАНЧИК (Наташину). Я принес обещанный сувенирчик. (Пряча от гостьи, передает ему носки.)

НАТАШИН (так же). Спасибо.

ТУШКАНЧИК. Имею идею. У Малахова я видел на кухне мясо, у Ладыгина — зелень, у вас я вижу гостью, которая, уверен, прелестно готовит! Значит, если Малахов вносит в общий котел свое мясо, Ладыгин — свою зелень, я — свою идею, а вы — свою гостью...

ГОСТЬЯ (обидчиво). Я не привыкла, чтоб меня вносили в котел. У меня другая профессия!

НАТАШИН. Да, да, я не позволю эксплуатировать женщину, чтоб она готовила на всю артель!

ГОСТЬЯ. Рыцарь!

ТУШКАНЧИК. Эгоист! (Уходит.)

НАТАШИН (с надеждой). Между прочим, вы не могли бы мне показать, как гладят чесучу? Только первые шаги...

ГОСТЬЯ (резко). Не знаю. Я в гостиницах остаиваюсь. Там обслуживают. Итак, Рембо, «Офелия». (Читает.)

Лобзая грудь, ее фатою прихотливо
Играет бриз, венком ей обрамляя лик...

(Стук.)

НАТАШИН. Да!

МАЛАХОВ (входит запаренный). Здравствуй. Мочалка у вас есть?

НАТАШИН (шокированно). Спиридон, здесь дама!

МАЛАХОВ (не поняв, гостье). Вы тоже будете мыться?

ГОСТЬЯ (обидчиво). Пока не собиралась!

МАЛАХОВ (Наташину). Ну, тогда дайте мочалку. Надо отмыть детей. (Наташин выходит. Стук. Входит Ладыгин с двумя пылесосами.)

ЛАДЫГИН. Простите...

МАЛАХОВ. А-а, вот вы где! Спасибо за совет. Теперь у меня все дети синие. Как незабудки!

И играют в чертей. Где вы вычитали, что детей надо синить?

ЛАДЫГИН. Детей? Я имел в виду бельё!

НАТАШИН (входя). Она где-то здесь. (Ищет.) Но вообще-то неплохо иметь свою мочалку.

МАЛАХОВ. Была. Они ее выкинули в окно. Им нравится ходить синими.

ЛАДЫГИН. А чтобы дети не хулиганили, надо их занимать техническими задачами. Я читал в «Домоводстве». Предложите им что-нибудь разобрать и собрать.

МАЛАХОВ. Ладно, учту.

НАТАШИН (гостье). Встаньте на секундочку! (Гостья встает.) Ну, конечно, вы на ней сидите. Я же ее стирал. (Передает мочалку Малахову.)

ГОСТЬЯ. А я все время удивляюсь: почему здесь так сыро?! Черт знает что!

МАЛАХОВ. Спасибо. (Уходит.)

ЛАДЫГИН. Я разобрал ваш пылесос, теперь он что-то не собирается. У кого есть такой же, чтобы сверить?

НАТАШИН. Возьмите у Тушканчика!

ЛАДЫГИН. Правильно! Я еще найду. (Уходит.)

ГОСТЬЯ. У вас удивительно невежливые друзья. Кажется, видят, совершенно брошенная дама сидит на совершенно мокрой мочалке! Нет чтоб ее как-нибудь занять! Только о своем, только о своем... Мы уйдем отсюда когда-нибудь?

НАТАШИН (ворчливо). Мы бы давно ушли, но чесуча без утюга плохо сохнет, а я не умею гладить. Когда никто не хочет помочь...

ГОСТЬЯ (возмущенно). Ну, знаете! Пригласили творческую женщину, чтоб взять у нее интервью, и вместо этого все время говорят с ней об утюге! Удивительно! Вы даже не просите дочитать вам Рембо!

НАТАШИН (угрюмо). Почему не прошу... Пожалуйста... Я прошу...

ГОСТЬЯ. Извольте! Может быть, тогда вы поймете наконец, что вы имеете дело с творческим человеком. Рембо, «Офелия». (Читает.) Лобзая грудь... (Стук. Входит Тушканчик.)

ТУШКАНЧИК (гостье). Вы правильно нас пристыдили: вы гостья, не вы должны угощать нас, а мы вас. Я пришел помочь! (Наташину.) Я пройду на кухню. (Проходит.)

НАТАШИН. А вы говорили, мои друзья невежливы. (Стук. Входит Малахов.)

МАЛАХОВ. Крупы у вас нет? Тушканчик приходил ко мне за носками и попутно съел всю детскую кашу.

НАТАШИН. На кухне есть холодная картошка. Возьмите. (Малахов проходит на кухню.)

ЛАДЫГИН (входя с тремя пылесосами). Слушайте, у вас есть обыкновенная половая щетка?

НАТАШИН. Что случилось?

ЛАДЫГИН. Мой пылесос заработал. Но почему-то в обратную сторону. Теперь он выплевывает все, чем он насосался!

Из кухни выходит Малахов с пустыми руками.

НАТАШИН. Ну?

МАЛАХОВ (угрюмо). Там уже нет холодной картошки. Там Тушканчик.

Наташин проходит на кухню.

ЛАДЫГИН (Малахову). Возьмите у меня в кладовке. Только наденьте галоши: там почему-то течет.

МАЛАХОВ. Это от меня. Дети разобрали водопроводный кран.

ЛАДЫГИН. Да уложите же вы их наконец спать!

МАЛАХОВ. Как я их уложу? Чем?

ЛАДЫГИН. Дайте им валерьянки! (Малахов уходит.)

ГОСТЬЯ (нервно зовет). Наташин, скоро вы, в конце концов? Здесь уже потоп намечается.

Голос НАТАШИНА, Сейчас!

ТУШКАНЧИК (выходя из кухни). Он одевается, запретил мне готовить, сказал, что вы сейчас уходите.

Голос НАТАШИНА. Мирон Львович, принесите мне из передней большое зеркало!

ГОСТЬЯ. Какое еще зеркало! Мы опаздываем, идите сейчас же сюда!

Голос НАТАШИНА. Ну ладно...

Наташин входит в чесучовом костюме, севшем почти вдвое. Благодаря клею он не сидит на нем, а скорее стоит. Все в немом изумлении.

ЛАДЫГИН (мягко). Вообще-то довольно оригинально...

НАТАШИН (Ладыгину). По-моему, вы мне что-то не то посоветовали.

ГОСТЬЯ (возмущенно вставая). Ну вот что... Вы пойдете на концерт в следующий раз. На субботу объявлен карнавал. Там вы не так будете бросаться в глаза. Но на мое общество можете не рассчитывать! (Уходит.)

НАТАШИН (негромко вслед). Ну и иди... Тоже мне... (Передразнивает.) «Лобзая грудь... Лобзая грудь...» Один Рембо на уме. Творческий человек называется, а простых броек погладить не может!

ЛАДЫГИН. Вообще, мне кажется, этот отъезд женщин в монастырь совершенно себя не оправдывает!

НАТАШИН. Идиотская затея!

ТУШКАНЧИК. Что это дает городу? Что это дает людям?

НАТАШИН. И вообще двадцать дней прошло — надо говорить честно: тяжело!

ТУШКАНЧИК. Что тяжело?

НАТАШИН. Тяжело нашим женщинам жить в монастыре одним.

ТУШКАНЧИК. Ужас! Как они там питаются, даже страшно подумать!

МАЛАХОВ (входя). Касторка есть?

НАТАШИН. Кому? (Ищет лекарство.)

МАЛАХОВ. Всем троим. Кто-то из них проглотил пробку от валерьянки и не хочет сознаваться.

ЛАДЫГИН. Ну, что я говорил: жены там волнуются, а дети здесь спокойно едят пробки!

Раздается сильный гром.

НАТАШИН. Что это еще?

ЛАДЫГИН. Не обращайте внимания, это малаховские дети взорвали наш дом.

МАЛАХОВ (выглянув в окно). Нет, это гроза.

НАТАШИН. Вот! А мы оставили наших жен наедине со стихией! Сколько же это может продолжаться!

ТУШКАНЧИК (решительно). Все. Имею идею: в воскресенье все вместе едем на стройку. Не будем решать за остальных. Но мы лично к своим женам должны быть чутки, внимательны и заботливы. Наш долг — выручить их из монастыря. Двадцать дней они там помучились — довольно!

МАЛАХОВ. Хватит!

НАТАШИН. Абсолютно достаточно!

ВСЕ (поют).

Без женщин можно жить на свете, да!

Но жалко женщин: им без нас беда!

У них есть тысячи причин

Страдать в разлуке без мужчин!

Без женщин можно жить на свете, но...
Но это проти-во-естествен-но!

Милых подруг жалея,
Сердцем за них болея,
Им жить одним
Не дадим!

ЗАНАВЕС

Однако попытка мужей вернуть своих жен домой потерпела полный крах. Мужчины вернулись из монастыря ни с чем, если не считать отчаяния... Мы застаем наших четырех друзей в той же квартире Наташина две недели спустя, в вечер подготовки к «мужскому балу», затеянному в целях подбадривания населения города.

ТУШКАНЧИК, ЛАДЫГИН, МАЛАХОВ и НАТАШИН, сидя в дамских халатах, явно принадлежавших женам, приводят в порядок детали своего мужского туалета. Кто гладит, кто чистит, кто штопает, кто пришивает пуговицы. Отросшие шевелюры придают им дополнительное сходство с женщинами. Судя по покою и умиротворенности, они уже смирились со своим положением и даже психологически приспособились к нему. Все вместе это выглядит как «бабы посиделки». Тем более что все четверо, продолжая работать, напевают хором песню «Сарафанчик»:

Мне наскучило, девице,
Одинешенькой в светлице,
Шить узоры серебром.
И без матушки родимой
Сарафанчик мой любимый
Я надела вечером —
Сарафанчик, расстеганчик.

ТУШКАНЧИК (глядящему Наташину). Вы в коричневом пойдете? (Тот кивает.) Вам к лицу.

НАТАШИН. Вы правы, коричневое — это мой цвет. На нем, вы знаете, следы утюга не так заметны. Это — единственное, что меня раздражает в глажении. А вообще, когда привыкнешь, уют, знаете, так успокаивает...

ЛАДЫГИН. Да, хотя я лично получаю больше удовольствия от штопки.

НАТАШИН (уважительно). Ну, если бы я научился так штопать, как вы!..

ЛАДЫГИН (скромно). Достаточно этим увлечешься. У нас один конструктор добился поразительного мастерства: представляет себе, берет голую ногу, обштопывает ее, и получается носок!

МАЛАХОВ. Вы подумайте!

ТУШКАНЧИК. Я полагаю, засиживаться сегодня на балу не будем? Покажемся, посмотрим, что там новенького, говорят, помидоры в буфете выкинут, колбасу любительскую свежайшую, — и домой, на боковую.

НАТАШИН. Не кино ж там смотреть!

МАЛАХОВ. Кино мне дети рассказывают.

ЛАДЫГИН. А я, бывало, еще при жене, сам смотрел кино. В театре бывало. Но хорошего мало показывали. Да всего и не пересмотришь. А теперь стоишь в очереди в починочную или там в магазин, так один тебе про одну картину расскажет, что он когда-то видел, другой — про другую, третий — еще про что-нибудь. И, вы знаете, так содержательно рассказывают — куда интересней, чем в кино, получается!

НАТАШИН. Да и новости свежей, чем в кинохронике.

ТУШКАНЧИК. В очередях вообще культуры очень набираешься.

ЛАДЫГИН. И завтра пораньше надо бы в промтоварный. Фартуки давать будут. Опоздаем — продавцы все попрячут.

МАЛАХОВ. Это не продавцы — это христопродавцы! Вчера продали мне три пары штанишек для ребят. Я их не посмотрел, а сегодня ребят чуть свет одел — и на воздух. Гляжу из окна: прохожие на них оборачиваются... Вы представляете, у всех штанов застежки сзади!

ЛАДЫГИН. Ну, ваши дети и вывернутся в штанах могут. А фартуки надо хватать. Халаты женины удобны, но ведь заносим!

НАТАШИН. Заносим, заносим! Я уже себе фартучек сметал!

ВСЕ. Сам!.. Ну покажите, пожалуйста!.. Ну накиньте!

НАТАШИН (надевает фартук, скромно). Да это так... На каждый день...

ТУШКАНЧИК. Матерьяльчик какой веселенький, с большим вкусом!

НАТАШИН. В универмаге набрал. Простой сатинчик.

МАЛАХОВ. Никогда б не подумал! И цвет гигиенический — грязи не видно.

НАТАШИН. А не пестро?

ТУШКАНЧИК. Ну что вы! Прелесты! И к глазам хорошо. И покрой оригинальный.

НАТАШИН. У главного механика выкройку выпросил.

ЛАДЫГИН. Дадите на фасончик?

НАТАШИН. Неудобно перед механиком. Скажет, что ж мы все, как подружки, одеваемся. Я думаю, в промтоварном будет выбор.

ЛАДЫГИН. Только на бал пораньше пойдем, чтобы выспаться.

ТУШКАНЧИК. Сейчас, рубашки высохнут. И как раз парикмахер зайдет. Я с ним договорил-

ся: с семи до восьми — наши четыре головы. (Звонок телефона. Снимает трубку.) Да? Да-да! Ждем! Только?! Ну все равно приходите. (Кладет трубку.) Парикмахер задерживается. Он нам сможет привести в порядок только одну голову. Максимум — две. На всякий случай, чья вторая?

ЛАДЫГИН. Простите, а чья, собственно, первая?

ТУШКАНЧИК. Моя, разумеется. Это ж в нее пришла идея пригласить парикмахера!

ЛАДЫГИН. Ну, тогда моя вторая.

НАТАШИН. А нам что ж, в таком виде на вечер идти?

МАЛАХОВ. Как пуделям?

НАТАШИН (Ладыгину). И почему это, интересно, ваша вторая?

ЛАДЫГИН. Естественно. Я обязан прилично выглядеть. Меня знают в городе, знают мои проекты, знают, что я работаю над солидной научной книгой...

МАЛАХОВ (иронически). Над какой книгой? Над какой книгой вы работаете?

НАТАШИН (так же). Еще чего вспомнили! Когда все это было!

ЛАДЫГИН. Ну, у меня сейчас другие заботы... Ваших статей я, между прочим, тоже давно не читал... Но мое общественное положение в городе известно. В конце концов у меня жена — одна из главных руководителей стройки в монастыре!

НАТАШИН. Зачем же супружескими должностями козырять? А сами-то вы кто?

МАЛАХОВ. Нет, моя дорогуша, здесь мы все равны. Перед парикмахером — как перед богом!

НАТАШИН (Малахову). А вам-то и вовсе не о прическах думать и не о балах, а о детях ваших! Вы даже не знаете, куда лицом штаны надевать!

МАЛАХОВ. Вот моя многодетность и дает мне право занять первую очередь!

ТУШКАНЧИК. Смотрите-ка! Он опять нам тычет, что он кормящий отец!

МАЛАХОВ. Да, я кормящий отец! И это из-за вас у меня пропало молоко!

ТУШКАНЧИК. У вас? Молоко?! Какая самоуверенность!

МАЛАХОВ. Да. Сгущенное. Три банки. Мне молочница обещала три банки сгущенного молока принести, а вы перехватили!

НАТАШИН. Вы с ней вместе, что ли, молоко сгущали?

МАЛАХОВ. Нет, она у себя в сельмаге брала. Но я понимаю ваш гнусный наем!

ТУШКАНЧИК (Наташину). Да уж это, извините, по обратному адресу!

НАТАШИН. А-а, теперь я понимаю, кто про меня распустил сплетню, что я лунатик! Я работницу хотел нанять, так вы ее переманить решили и сказали ей: «Не ходи к нему: он лунатик, он по ночам в одном белье ходит». Вы просто старая сплетница!

ТУШКАНЧИК. Я сплетница?! А вы... доступная личность! Вы всем торговкам на рынке глазки строите!

ЛАДЫГИН (хватаясь за голову, в ужасе). Товарищи!.. Товарищи! Это ж катастрофа: мы бабы! Мы окончательно бабы! Вы видите, до чего нас довели?

МАЛАХОВ (подхватывая). Он прав! Что мы делаем?! Из-за чего?! Куда мы катимся?!

ЛАДЫГИН. Если это сию же минуту не остановить, мы пропали! Немедленно в горсовет!

НАТАШИН. Моя машина во дворе!

ТУШКАНЧИК. В таком виде?

МАЛАХОВ. В машине же!

ЛАДЫГИН. И тем лучше! Пусть видят, до чего нас довели! Пусть видят!.. Бабы, вперед! (Все выбегают.)

ЗАНАВЕС

В конце концов мужчины на собственном опыте убедились, насколько были справедливы требования женщин. В финальной картине пьесы они дают друг другу слово на деле раскрепостить женщину от бытовых тягот. И только тогда жены соглашаются вернуться в город, чтобы помочь мужьям строить свой город по-новому, с тем, чтобы женщинам в нем было так же хорошо и интересно жить, как мужчинам.

Рисунок М. БИТНОГО

Попрыгунья-стрекоза лето красное пропела...

...а осенью полетела на юг.

Из размышлений Прутькова-внука

Не будь так ревнив, чтобы запрещать жене, прощаясь с мужчинами, говорить: «До свидания».

Обращай на себя внимание, не только проходя мимо зеркала.

Слухи ходят на наших ногах.

Только солнце может благополучно заходить слишком далеко.

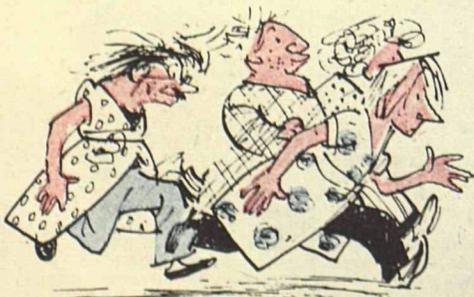
Стоя на одном месте, новых горизонтов не откроешь.

Не будь таким, чтобы от общения с тобой даже чемодан становился замкнутым.

Делая доклад, приглаживайся: может, собравшиеся не одобрительно кивают головой, а просто клюют носом.

Советам отдавай должное, но не оставайся в долгу у собственного разума.

Помни: медлительностью не удлинешь сроки жизни.

ГОРБУЛКА

Рисунок Е. ГУРОВА

— Чепуха! — презрительно сказал приятель, разглядывая предмет моей гордости — альбом с марками. — Неоригинально. Вот у меня коллекция — уникальная.

— А что ты коллекционируешь? — робко спросил я.

— Хе-хе! Хочешь узнать — пойдем со мной обедать.

И мы пошли в столовую. Там приятель, заглянув в меню, позвонил официантку и сказал ей загадочную фразу:

— Дайте две баржар с гар.

— Кончилась, — приветливо ответила девушка.

— Н-ну, тогда... битки. Только если можно, вместо тушкап дайте вармак.

— Хорошо, — прощбетала официантка.

И через пять минут у нас на столе красовались две порции обычных битков с обычными вареными макаронами.

— На каком тарабарском наречии ты с ней объяснялся? — спросил я.

— На их собственном, — снисходительно ответил приятель. — Точно, как в меню. Баржар с гар в переводе на простой человеческий язык значит: баранина жареная с гарниром. Тушкап — тушеная капуста. А вармак...

— Вареные макароны! — обрадованно закричал я.

— Совершенно верно. А теперь я покажу тебе свою коллекцию, которую собрал во время своих командировок.

И мой друг вытащил записную книжку.

— Вот тебе загадка. Как ты расшифруешь фразу: «Сельдь с/с»? Не понимаешь? Я так и знал. В во-

ронешском рыбном магазине возле этого объявления чуть не драка завязалась. Одни говорили, что это сельдь слабо соленая, другие, пессимисты, утверждали, что она сильно соленая, а третьи настаивали на том, что злосчастная рыба — свежего соления. На крик вышел завмаг и спросил с иронией: «Может, вам жалобную книгу?»

Чем кончилось дело, я не знаю. Мне нужно было на вокзал...

А вот перл моей коллекции. — В голосе рассказчика зазвучали патетические нотки.

Он вытащил красивую табличку с аккуратно выведенным тушью устрашающим словом «ГОРБУЛКА».

— Что это? — содрогаясь, спросил я. — Таким словом разве детей пугать!

— Согласен. А, между прочим, это всего-навсего маленькая, пухленькая, румяная городская булочка. Торговые работники путем сокращения превратили ее в страшную «горбулку». Ее я нашел в булочной города Иркутска...

На другой день, еле дождавшись обеденного перерыва, я отправился в столовую. Не в ту, в другую. Посмотрел в меню и громко воскликнул:

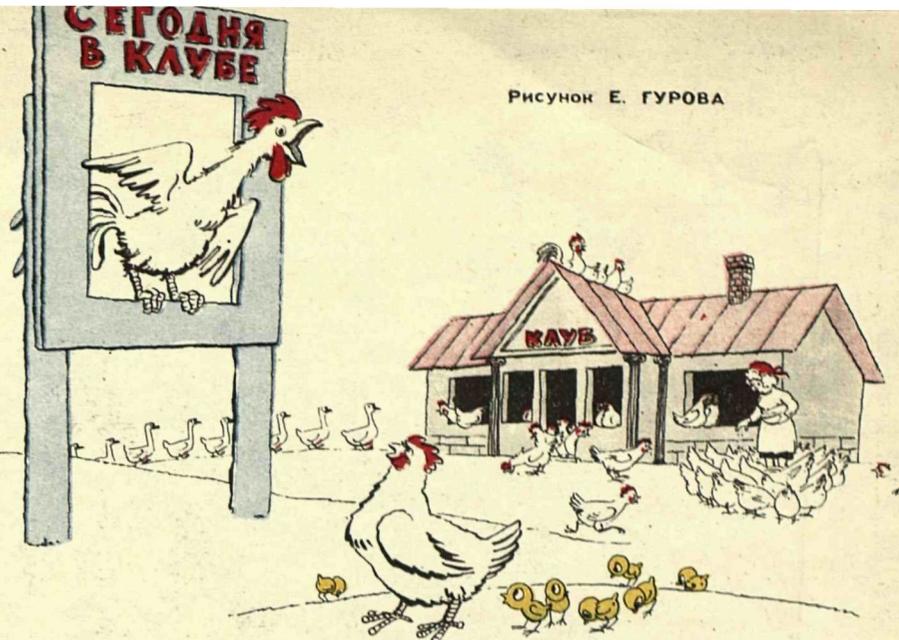
— Девушка! Дайте мне свинкот да лунжара побольше!

И она, понимаяще улыбнувшись, принесла мне тарелку со свиной котлетой и жареным луком.

Каюсь, я отплатил ей черной неблагодарностью. На меню, где названия всех блюд были усечены самым кровожадным образом, я написал наискось:

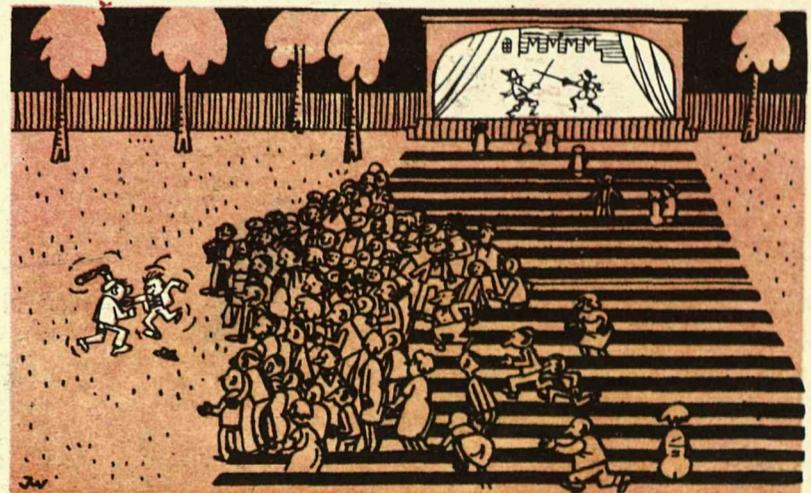
«Ув. и люб. вел. рус. яз.»

А. ВЕТРОВ

Без слов.

Рисунок И. МЕЛГАЙЛИСА (из журнала «Дадзис»)

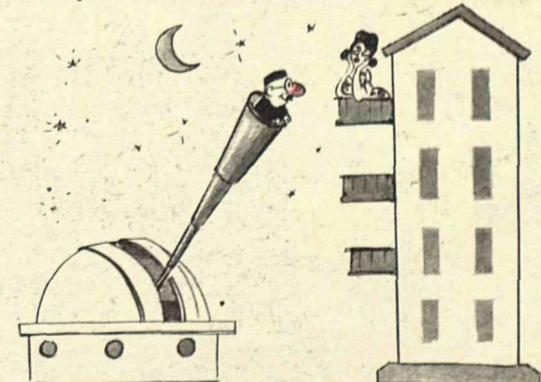
Без слов.

Рисунок С. АЛЕКСАНДРОВА

Без слов.

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

Открытие новой звезды.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«А что она была разбавлена, подтверждает следующий факт: обычно после пол-литра я уже не держусь на ногах, а в этот раз я не только не свалился, но вышел на улицу и даже затеял драку, за что получил 15 суток».

«Проявив халатность, невзирая на рецепт, продавщица вашей аптеки отпустила мне очки, которые искажают действительность».

«Я просил продавца выбрать мне надежный замок, чтобы его не мог открыть посторонний вор, а он

мне дал замок с явной насмешкой. В результате даже я сам лично не мог открыть его вечером и вместо того, чтобы ночевать дома, ночевал в вытрезвителе»

(Выписки из книг жалоб.)
Собрал В. МИХАЙЛОВ.

«Кратко о себе. Я шофером проработал 23 года. А теперь сижу дома и пишу стихи».

«Направляю вам свои стихи для редактирования. Доверяю точки, запятые проставить».

(Из редакционной почты.)
Переписал Г. ВОРОЖЦОВ.

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

На работу.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ [зам. главного редактора], Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ [М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ], С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ [ответственный секретарь], И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

Издательство «Правда».

А 00324. Изд. № 1251. Подписано к печати 2/IX 1961 г. Формат бум. 70×108%. Тираж 1 500 000 экз. Заказ № 2202. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

30497 М

8 СЕН 1961

ГОТОВЯТ К ЗАПУСКУ

«ТУРИСТА» ОБИДЕЛИ...

— В ГДР не пускают!!

ПОД ЩИТОМ